

Кочетантин КРЮТЕР

О зорьке

мусские рассказы

Константин Крюгер

Озорные мужские рассказы

«Издательские решения»

Крюгер К.

Озорные мужские рассказы / К. Крюгер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962835-0

Автобиографичная трилогия Гарина-Михайловского, где с редкой откровенностью изображено становление молодого человека с присущими непростому пути победами, потерями и разочарованиями на всех фронтах (учебном, любовном и служебном), побуждает меня столь же открыто описывать свои и друзей «наступления на те же грабли». Эпитет «озорные», применительно к литературе, ассоциируется у меня с весёлыми, слегка фривольными, но обязательно оптимистичными историями.

ISBN 978-5-44-962835-0

© Крюгер К.
© Издательские решения

Содержание

Благодарности	6
Отзывы	7
Предисловие	9
Из цикла: Моя Москва и её обитатели	11
«Кука», Игорь и «иностранцы»	11
Привозная бутылка на подставке	18
«Бывают в жизни злые шутки...»	20
Новый Год «у чёрта на куличках»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Озорные мужские рассказы

Константин Крюгер

Редактор Ю. Бирюкова

Художник обложки Олеся Топоркова

Дизайнер обложки Юлия Бирюкова

Фотограф Борис Плинер

Фотограф Михаил Курохтин

Фотограф Сергей Рахинский

© Константин Крюгер, 2019

© Юлия Бирюкова, дизайн обложки, 2019

© Борис Плинер, фотографии, 2019

© Михаил Курохтин, фотографии, 2019

© Сергей Рахинский, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4496-2835-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Выражаю глубокую признательность и от души желаю долгой и плодотворной жизни любимому редактору, а также критикам и рецензентам Александру и Евгению «Джеффу» и, конечно, литературному мэтру Ильичу.

Как и все предыдущие, книгу посвящаю дорогим мне людям, трагически рано покинувшим этот удивительный мир: младшему брату Борису, Андрею «Неману», Наталье Шоховой, Борису «Ра» Раскольникову, Косте «Малышу», Михаилу «Нильсону», Эдику «Родственнику», Владимиру «Бычману», Валерию Василевскому, Игорю «Бамбине», Александру «Полковнику», Андрею Левину, Николаю «Куке», Шуре «Помидору», Отцу Евгению, Володе «Осташке» и Константину «Моське».

От души желаю Андрюшке «Крексу», Колюньке «Ленинскому Стипендиату», Мишке «Хиппи», Андрюхе «Брату» Ч – ову, Шурке «Портосу», Мишке «Рыбе», Григорию Ивановичу, Сергуне Робертовичу, Олежке «Слонику», Сашку «Штейну», Лариске Л – ой, Вовё, Алёнушке Игоревне, Михаилу «Алхимику», Умному Петровичу, Виталику Н – ому, Игорю С – ому, Сашке Е – ко, обоим «Афоням», а также территориально далёким, но не менее близким Шуре К – ну, Леньке Д-ту и, конечно, родне – Братцу Мише, Олегу «Соломону», Ирине А – х и Матери Марии ещё долгие годы дарить окружающим радость бытия.

Честь и хвала им, поныне молодым и жизнелюбивым друзьям юности, затянувшегося периода взросления и всей дальнейшей жизни! Они и сегодня сердечным теплом и пусть даже эпизодическим, к сожалению, общением вызывают бурный всплеск жажды жизни и тягу к новым свершениям.

Примечательно и замечательно, что практически половина вышеперечисленных неунывающих бодряков – эпикурейцев пришла поддержать меня и выразить одобрение творчеству на автограф-сессии на стенде издательства Ridero на XXXI ММКВЯ, за что им особая благодарность.

ОТЗЫВЫ

на предыдущий сборник «Из жизни замечательных друзей», представленный и полностью разошедшийся на XXXI-ой Московской Международной Книжной Выставке-Ярмарке

На книгу пришло множество откликов от знакомых, постоянных и совершенно новых читателей. Привести все не представляется возможным. Я выбрал наиболее интересные.

«Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, месяцы, сутки, часы, мгновенья, за то, что со временем превращается в воспоминания. Воспоминания о юных днях: бесконечных, беспечных и бескомпромиссных, о Москве 70-х прошлого века, о людях, которые были рядом, о бурлящих событиями отрезках той жизни, когда молодость правила бал, и бал тот имел оглушительный успех. Эти удивительные зарисовки, раньше доступные только в разговорном формате, всё-таки появились и на бумаге, в виде красивого слога, прекрасного ритма и удивительных сюжетов, поданных с юмором и деликатностью, с любовью и теплотой. Выверенные русской классикой и собственным талантом, мгновения жизни Константина К., парня с Автозаводской, жизни его и его друзей.»

«Наконец-то вижу личность автора, с его взглядами, предпочтениями, наклонностями и т.д., что «идентифицирует» каждого из нас. Это необычно, это ново и это здорово, так сказать свежая струя в уже ставших похожими друг на дружку рассказах. Однозначно – это другой стиль!

А, вообще, реально следующий уровень!»

«Жизнь человека безусловно коротка,
С годами понимаешь – даже слишком!
И юности безудержно прожитые года,
Позднее принимаешь даром свыше.»

«Читая несколько рассказов вкуче, понимаешь не только, насколько они неоднородны по стилю, но и как разнятся по душевному восприятию, по отношению к прошлому, к сегодняшнему, к будущему.

Класс!!

Ностальгия, как никогда нахлынула и что-то встряхнула. Стиль автора именно воспоминания, а не лозунги о счастливом детстве. Он как раз повествует о событиях в жизни, которые реально повлияли на наше мировоззрение и мировосприятие, и, мне кажется, что любому читателю хочется понять как то или иное могло повлиять на становление личности.

В общем... зацепило...»

Радостно, что заинтересовавшая читателей рассказка про ЗиЛ вызвала практически единодушную положительную реакцию.

«Очень понравилось. Не растянуто, очень живописно (по отношению к персонажам) и с хорошим ритмом, без сбоев. Читается так, что последующее предложение „цепляется“ за предыдущее, и, соответственно, рассказка не отпускает до самого конца.»

«Вполне „заурядная“, в фирменном стиле автора, рассказка. Даже несмотря на приличный размер – не устаешь, уж очень интересные „фактики“ и персонажи, очень хорошо выписанные, ну и плюс к этому, конечно, „подробности“ жизни на ЗИЛе. Читается на ура! Получилась удачная компиляция художественного текста и жизнеописания времени.»

«Про ЗИЛ, надо держать в голове... Отличное историко-социальное произведение могло бы получиться. И федерально важное!»

«С удовольствием прочитал „производственную“ рассказку, именно с удовольствием. Отлично скомпонованная, ритмичная, динамичная, легкая, читается на одном дыхании плюс большое разнообразие всевозможных фактов из жизни, из времени, из профессии. Всё это создает интересное и познавательное читиво.»

Предисловие

Проглядывая очередной раз томик замечательного российского писателя Н. Г. Гарина-Михайловского, наткнулся на эти строки. Лучшего эпиграфа к автобиографическому творчеству не найти:

«У каждого читающего есть свой любимый поэт, которого не ленятся они еще и еще перелистывать.

Но чаще других и своего любимого поэта перелистываем мы свою собственную книгу, которую жизнь страница за страницей выписывает нашей рукой.

Какая сила, какие краски в этой книге. Бери прямо как есть и выкладывай кому надо.

И скорей выкладывай – время не ждет!

Смертному не сыскать на своей палитре тех красок, тех теней и тех переливов, какими великий художник-жизнь разрисовывает свои картины. Его труд – более высокий, удачная копия, фотография, иногда очень неуклюжая и плохая, но, как всякая фотография, искупающая недостающее своею правдивостью и искренностью».

В значительной мере, именно автобиографичная трилогия Николая Георгиевича «Гимназисты», «Студенты» и «Инженеры», где автор с редкой откровенностью изображает становление молодого человека, с присущими непростому пути победами, потерями и разочарованиями на всех фронтах (учебном, любовном и служебном), побуждает меня столь же открыто описывать свои и друзей «вступления практически на те же грабли».

А вот с детства любимый К. Паустовский сформулировал отношение к сочинительству следующими словами:

«Писатель, выражая себя, тем самым выражает и свою эпоху. Это – простой и неопровержимый закон.

По существу творчество каждого писателя есть вместе с тем и его автобиография, в той или иной мере преображенная воображением. Так бывает почти всегда.

Кроме подлинной своей биографии, где все послушно действительности, я хочу написать и вторую свою автобиографию, которую можно назвать вымышленной. В этой вымышленной автобиографии я бы изобразил свою жизнь среди тех удивительных событий и людей, о которых я постоянно и безуспешно мечтал».

В своих виршах я стараюсь в точности следовать фактам быстропротекающей жизни, а не следовать мечтательному желанию глубокочтимого мэтра, хотя иногда очень хочется и, как следствие, изредка случается!

Во второй половине 80-х один из самых близких друзей-товарищей, Андрюшка «Брат», вернулся из очередной опасной командировки военным советником в далёкую Южно-Африканскую страну и, как обычно, привёз мне, истосковавшемуся по англоязычному чтиву, несколько книжек любимой тематики. Кроме привычных военных приключений, детективов и документальной «истории с географией», подборка неожиданно включала занимательную книжку «Озорные сказки древнего Китая». Не могу сказать, что содержание потрясло, но повеселило изрядно. С тех пор эпитет «озорные» применительно к литературе ассоциируется с весёлыми, слегка фривольными, но обязательно оптимистичными историями.

В основном, мои озорные рассказы охватывают период 70 – 90-х годов прошлого века с минимальным заходом в текущее тысячелетие. Все они отражают реальные события с участием хорошо знакомых мне персонажей. В очень редких случаях я отступил от 100%-ой истинности, но, отнюдь не руководствуясь заветом Константина Георгиевича насчет вымышленности, а защищая особо ранимых, деликатных и до сих пор «зашифрованных» героев.

Завершить предисловие хочется словами американского классика¹: «The best stories happen to those, who're best equipped to tell them!²», что полностью совпадает с моим видением литературного труда применительно к собственной графомании.

¹ Paul Austin

² «Самые замечательные истории случаются с теми, кто лучше всех настроен их рассказывать!», – перевод В.И.Когана

Из цикла: **Моя Москва и её обитатели**

«Кука», Игорь и «иностранцы»

*«Скажешь, дремлет пентагон? Нет, не дремлет!
Он не дремлет, мать его, он на стрёме!»*

А. Галич

В самом начале четвёртого семестра куратор группы предупредил: «На днях будете давать подписку!». В преддверии занятий на военной кафедре каждый студент после прохождения «закрытого» собеседования давал «подписку о неразглашении» и получал «форму допуска». В нашем случае собеседование приняло форму непродолжительной лекции, проведённой персонажем лет пятидесяти совершенно непримечательной внешности с набрякшими «после вчерашнего» веками и одетого в серый «беспартийный» костюм. Полуприсев на преподавательский стол, он доверительно поведал, не называя фамилий, историю о бывшем студенте четвёртого курса нашего института. Познакомившись с посторонней девушкой, он повёл её в ресторан «Прага», регулярно посещаемый иностранцами, диссидентами и прочими подозрительными типами. И там, не рассчитав собственных сил, перебрал лишнего. В результате, «героя-любownika» обнаружили сотрудники соответствующих органов в бессознательном состоянии в женской уборной упомянутого заведения. Непоправимый урон, нанесённый обороноспособности Страны, выразался в утрате временного пропуска на номерной ракетный завод, где студент в тот момент проходил практику. О дальнейшей судьбе ответчика и его дамы рассказчик многозначительно умолчал, но и так было ясно, что ничего хорошего их не ожидало. Предложив задавать вопросы, лектор озвучил несколько полезных советов и раздал бланки документа, которые мы, все как один, не особо вчитываясь, немедленно подписали.

После значимого мероприятия затаились в душе стойкое предубеждение к ресторану «Прага», особенно, в части дамского туалета, и нездоровая, негативно-агрессивная реакция на звучание чужой речи при употреблении спиртного в любом интерьере. С этим осложнением я в дальнейшем долго и мучительно боролся.

Как всякий ответственный гражданин я привык не нарушать данных обещаний, тем более подписок, и старался избегать любого общения с чужеземцами. Но жизнь периодически не оставляла выбора и сталкивала с ними нос к носу. Эпицентром неожиданных контактов, правда, в основном, с потенциальными, будущими иностранцами стал Игорь С. и его жилище.

С Игорем познакомил приятель, известный в среде Московских рок- музыкантов барабанщик Колька «Кука». Они вместе играли в группе «Апрель», переименованной друзьями в «Носы»: у всех членов коллектива орган обоняния серьезно преваляровал над остальными

деталью физиономии. Оба окончили одну и ту же школу, но Игорь на 6 лет раньше и в составе предыдущего ВИА даже выступал у «Куки» на выпускном.

На момент нашей первой встречи Игорь делил двухкомнатную коммуналку в возведенном в 1904 году капитальном строении с вредной соседкой неопределённого возраста. Площадь доставшейся от родителей комнаты (29 кв. метров), несмотря на прописанных жену и малолетнего сына, не позволяла встать в райисполкомовскую очередь на улучшение жилищных условий, а сама квартира потрясала. Проживая в «сталинке», я привык к габаритным помещениям, но потолки высотой в четыре с лишним метра и полукруглые своды окон серьёзно удивили. Толщина наружных стен, была таковой, что подоконники по размеру не уступали одноместной кровати. Это слегка напомнило бабушкину квартиру в дореволюционной постройке доме в Большом Власьевском, где я эпизодически проживал до шестилетнего возраста.

В огромной общей кухне на широких антресолях хранилась масса необходимых и совершенно ненужных предметов. Стандартного размера туалет соседствовал с крохотной умывальной комнатой, где кроме раковины и зеркала ничего не помещалось. Ванной или душа не существовало, как таковых. Комфортнее остальных чувствовал себя ребёнок – его мыли в детской ванночке на кухне.

«Кука» прежде тоже проживал на улице Осипенко, но родителям дали новую квартиру в Покровском – Стрешнево, и с районом отрочества пришлось расстаться. Навещал «малую Родину» Колька при каждой возможности, тем более, что большинство старых друзей проживали неподалёку. Создавалось впечатление, что вся улица и соседняя Пятницкая заселены исключительно приятелями и однокашниками. Паша С., проучившийся с Колей десять лет за одной партой и создавший с ним школьную рок-группу «электронных паразитов», вместе с молодой женой ютился в однокомнатной квартирке через квартал. Сашка Д., ещё один участник «Носов», ходил в один класс уже с Игорем и «сибаритствовал» с престарелыми родителями и младшим братом в полуподвальных «апартаментах» в глубине старого двора на Пятницкой.

Подружившись с хозяином, я стал захаживать в гости на Осипенко регулярно. Успешно закончив МАТИ, Игорь всю пятидневку трудился в закрытом НИИ, а после службы пять дней в неделю до ночи «лабал» в одном из московских кабаков. В редкие свободные вечера и по выходным у Игоря собирались друзья – пообщаться, выпить и попеть под гитару. Мои нетрезвые потуги поучаствовать в задушевном многоголосом исполнении народных песен, всегда встречали полное «Кукино» одобрение «Третьим голосом у Тебя замечательно выходит!», сопровождаемое страдальческой ухмылкой. Визиты приятелей – музыкантов с подружками раздражали соседку донельзя, но управы на нас она найти не могла.

Порожнюком подъём на третий высокий этаж по молодости лет осуществлялся легко, а вот с 3-мя – 6-тью бутылочками портвейна уже представлял определённую трудность. Но регулярные тренировки – «Достигается упражнением!» – своё действие оказывали. В обоих расположенных поблизости «шикарных» питейных заведениях, в ресторане ныне не существующей Гостиницы Бухарест, (на месте которой воздвигнуто грандиозное здание отеля «Балчуг Кемпински») и приснопамятном давно закрытом кабаке «Балчуг», швейцары хорошо нас знали и с готовностью отпускали веселящие напитки после закрытия магазинов.

* * *

Разница в возрасте более остро ощущается в молодые годы. Игорь был старше на шесть лет, и я смотрел на него «снизу вверх». Замечательный музыкант со спортивной фигурой, породистый мужественный облик дополнялся щёгольской одеждой, любящая красавица – певунья жена, что ещё можно желать от жизни. Я не завидовал – я очень хотел походить на него. Запавшая в память фраза, вычитанная в детстве в одной из назидательных патриотичных книг:

«Делай жизнь с товарища Дзержинского!» совершенно естественным образом материализовалась – я хотел делать жизнь с Игоря. Не сотворив себе кумира, я подсознательно старался подражать ему манерами и повадками. В Игоре чётко ощущались железный внутренний стержень и высокая «по Гамбургскому счёту» порядочность, до этого встреченные только у Отца. Но Папа принадлежал к совсем другому возрастному пласту, прошедшему Войну, пережившему Сталинский культ и Хрущёвское потепление, а интересы нового старшего друга во многом совпадали с моими, и, кроме того, я не испытывал к нему чувства беззаветного преклонения, как к представителям старшего поколения.

Позднее, познакомившись с родителями Игоря, я понял, откуда в друге благородная непринуждённость поведения и выразительная внешность. Его отец, происходивший из старинного польского рода, всю жизнь прослужил на командных должностях в особых, частью закрытых районах Союза, выправка и стать сразу позволяли предположить принадлежность к офицерскому корпусу. Мама Игоря, происходила из Петербургской непростой семьи «бывших», и в описываемый период преподавала иностранные языки в Высшей Школе КГБ.

Послевоенная работа переводчицей на допросах «агентов вражеских разведок» подточила её нервную систему до крайности, но даже в зрелом возрасте сохранилась выразительная красота и аристократизм манер. Во время наших редких встреч она в общем разговоре участия не принимала, читала книгу, сидя в кресле в углу. Отец же, напротив, активно общался с друзьями Игоря и однажды на Первомайское торжество приготовил «фирменный», неопишимо вкусный плов, рецепт которого вывез со службы в Ленкорани.

Все государственные праздники традиционно начинали гулять у Игоря дома и продолжали на Большом Москворецком Мосту с видом на Кремль, откуда вечером отлично смотрелись волшебные гроздья салюта.

* * *

Кого я только ни встречал в гостеприимном жилище: всевозможные столичные рок-музыканты и кабацкие лабухи, приятели и институтские сокурсники Игоря и его жены. Большинство визитёров существенно превосходили меня годами, но дружески настроенные, не задавались перед «желторотым» студентом достижениями на всевозможных фронтах.

Замечательный музыкант и успешный скульптор из «Мастерской Иофана», Шура А. участвовал в строительстве Гостиницы ЦК КПСС³ на улице Димитрова и провёл для нас по закрытому для рядовых граждан объекту памятную нелегальную экскурсию.

Ранее упомянутый Сашка Д. трудился главным инженером сада «Эрмитаж», где, по его протекции, мы регулярно посещали «сейшена» заезжих музыкальных коллективов. Концерт польской группы «No To Co» по сей день остаётся одним из самых ярких впечатлений юности.

В музыкальном окружении Игоря я впервые и столкнулся с «отказниками», уволенными с «волчьим билетом» с основного, как правило, закрытого места работы, и перепрофилировавшимися в профессиональных кабацких «лабухов» в ожидании разрешения на выезд. Они регулярно повергали меня в изумление и щенячий восторг нестандартными оборотами речи и необычным поведением. Весело поглядывая сквозь толстые линзы сидящих на его тонком с горбинкой носу очков, клавишник «Старик Оппенгеймер» фразой «Я могу видоизменяться!», произнесённой исключительно к месту, довёл меня до колик.

В удлинённой «аляске» «Старик» производил впечатление вполне стандартных размеров мужичка, с небольшим уклоном в худощавость. Мой сокурсник Гарик, активно «утюживший фирму»⁴, сподобился у заезжих итальянцев приобрести практически задаром две пары потря-

³ Ныне Президент Отель.

⁴ «Утюжить фирму» – скупать у иностранцев носильные вещи с целью перепродажи

сающих джинсов необычного фасона с единственным швом на штанине. Но при последующем рассмотрении выяснилось, что уникальные изделия «от кутюр» рассчитаны на супер длинноногого, но очень тщедушного персонажа. Гарик даже за весьма смешные деньги замаялся пристраивать сверхмодные «обжимсы». Углядевший их мельком в трамвае у меня в сумке Оппенгеймер изъявил горячее желание. Но узрев сомневающуюся насмешливую улыбку, распахнул объёмную куртку и предъявил пугающее «теловычитание», а также произнёс сакраментальную фразу, прилипшую к нему навсегда. Выдающиеся портки «француз – отказник» таскал ещё года три до самого отъезда на историческую Родину.

Скрипач и вокалист «Васька» Василевский собирался по пути в Страну Обетованную надолго тормознуться в перевалочном Риме, для чего активно практиковал исполнение песен самых востребованных и модных тогда итальянцев на родном им языке. Опять же освоил самые необходимые, на его взгляд, выражения: «*Felice di vederti!*⁵» и «*Cosa fai la sera?*⁶», приводившие в неприкрытое восхищение регулярно меняющихся поклонниц.

Гитарист Валера Т. выступал параллельно в двух питейных заведениях: небезызвестных «Временах Года» в ЦПКиО и ресторане Гостиницы «Юность». Первый, один из самых популярных в то время Московских кабаков, мы посещали регулярно, но только третье отделение из четырёх музыкальных. В первом исполнялись разогревающие публику лёгкие музыкальные композиции без вокала, во втором звучали песни популярных советских композиторов, а, уже начиная с третьего шёл «пáрнас⁷», и лабухи под заказ выдавали всё, что душа пожелает – зарубежные рок-хиты, восточные напевы и блатняк. Атмосфера в зале резко накалялась, и Валерка сразу после перерыва неизменно нас выпроваживал. В Парке по слухам «мазу держала⁸» опасная своей непредсказуемостью компания глухонемых, и во время четвёртого отделения в ресторане регулярно происходили «товарищеские недоразумения» с поножовщиной, в которых не доставалось только музыкантам.

И наоборот, в «Юности», курируемой ЦК ВЛКСМ, постоянно царил тишь и благодать. Проход в отель осуществлялся по пропускам, поэтому посторонние граждане в ресторан не попадали, что несло как положительный, так и отрицательный эффект. Во-первых, изо дня в день зал заполнялся в лучшем случае наполовину, и на щедрый кавказский «пáрнас» рассчитывать не приходилось ввиду отсутствия соответствующих посетителей. Зато свободно можно было обкатывать любой песенный репертуар (по определению в ведомственной гостинице исполнялись только идеологически правильные вещи). Во-вторых, расценки на блюда ресторанной кухни для приезжающих комсомольских функционеров устанавливались вполне умеренные, и мы, проникнув в заведение с «заднего крыльца» через кухню, за совершенно смешные деньги наслаждались «блюдами от шефа» под демократичную выпивку. А любимые хиты отечественной и зарубежной эстрады, вообще, слушали совершенно бесплатно в исполнении друзей – музыкантов.

В один из затянувшихся визитов, ближе к закрытию, не совсем трезвый взор упал на соседний столик, за которым потрясающей внешности девушка беседовала по-английски с невзрачным, на мой взгляд, персонажем арабской наружности. Утратив спячку бдительность и подзабыв о категорическом запрете, я пригласил барышню на танец. Припомнив полученные в английской спецколле знания, я заливался соловьём и после тура «медляка» переместился за её столик, намеренно поставив вероятного соперника в затруднительное положение. В состоянии изрядного алкогольного опьянения иностранная речь лилась свободно и плавно, сам поражался богатству своего словарного запаса. Не удивительно, что после

⁵ «Давно не виделись!» – итал.

⁶ «Что ты делаешь сегодня вечером?» – итал.

⁷ Деньги из зала, уплачиваемые за заказ песни

⁸ «Верховодила» – жаргон

первого же ознакомительного тоста «ближневосточный» vis-a-vis торопливо распрощался и стремительно отбыл, оставив спутницу на «произвол судьбы».

Не выспавшийся и не совсем протрезвевший я пулей вылетел рано утром из уютной квартирki в МИДовском доме, опасаясь опоздать на первую пару, и только у входа в метро «Фрунзенская» сообразил, что не озаботился выяснением у гостеприимной хозяйки ни рода её занятий, ни номера телефона. Каково же было моё удивление, когда через несколько дней в Маёвской проходной ко мне радостно обратилась исключительно интересная, но совершенно неизвестная, строго и модно одетая дама средних лет: «Ну что, юноша, будете отказываться от знакомства?! А, как честный человек, несёте определенные обязательства!». Уже внутри территории, сопровождая «незнакомку» на Кафедру Иностранных Языков, я с удивлением узнал, что провёл «изумительную» ночь со старшей преподавательницей английского языка родного института, проявил себя «исключительно способным», и могу в дальнейшем рассчитывать на всяческие побряжки.

* * *

Однажды наудачу приехав к Игорю без предварительного звонка, я застал дома только злобную соседку. Она неприязненно кивнула на квартиру напротив: «Там все гуляют!» и захлопнула дверь. Нерешительно позвонив, я оторопел от бурного веселья и неожиданного радушия хозяев, ранее встреченных лишь мимолётно. На лестничной клетке дверь в дверь с Игорем проживала его бывшая одноклассница, Ирка К., однофамилица небезызвестной Фанни, хоть и не являвшейся Ворошиловским стрелком, но попортившей крови вождю мирового пролетариата. Ирина, долго состоявшая «в отказе», получила, наконец, разрешение на выезд. Этому событию и было посвящено происходившее в большой гостиной прощальное гулянье. По рассказу Игоря, экспромтом приглашённого за час до моего появления, сначала застолье проходило грустно, даже печально под тихо произносимые тосты – пожелания, запиваемые болгарским сухим вином «Фетяска» из двух сиротливо возвышающихся на столе с немудрёной закуской бутылок. Появление «Куки», также перенаправленного соседкой, резко изменило ход событий. Колька прибыл с тремя бутылками портвейна и успел ещё раз сгонять в магазин. Так что, к моему приходу «свадьба пела и плясала» под гитарные аккорды, извлекаемые гостями – музыкантами. Рафинированная интеллигенция, составляющая большинство гостей, не имела привычки к «партийному» вину и достаточно быстро «поплыла». Именно тогда, я впервые услышал расхожую эмигрантскую шутку «затеряться среди чемоданов» и прочие «диссидентские» штучки. Хотя Ирина отбывала по израильскому вызову, все близкие знали, что тормознуться она собирается в Париже, где в тот период обретался её близкий приятель, изгнанный из страны «конструктор песен» Александр Г. После дружного хорошего исполнения его творений празднество пошло на убыль, и гости начали разъезжаться.

Именно к этому времени в квартире внезапно возник ещё один товарищ, красавец Паша С., «приблудных дел мастер, полные руки веселящих напитков⁹». Ничего удивительного, что появление завидного кавалера и донжуана районного масштаба вызвало новый, но уже последний всплеск веселья. Гостеприимная хозяйка, не приемля возражений, оставила Пашку ночевать, дабы сохранить о бывшей Родине самые лучшие воспоминания, а мы с «Кукой» отползли спать на роскошные подоконники в комнате Игоря.

⁹ Цитата из В. Аксёнова

* * *

На очередную иностранку, но на этот раз самую, что ни на есть, настоящую я напоролся в удивительной квартире 1-го Мая. Практически сразу после выхода отца Игоря в отставку, у него чудесным образом обнаружилось достаточно близкие польские родственники. И для восстановления и укрепления вновь обретенных кровных связей в Москву с визитом и «богатыми дарами» приехала кузина Игоря, Анна. На период визита она заселилась к дяде с тетей на Ленинский проспект, но Первомайское торжество родители вместе с заграничной племянницей решили отметить у сына, имея намерение вечером полюбоваться салютом и нарядной столицей с близлежащего Москворецкого моста. Не предупрежденные другом о визите «предков» с иноземной гостьей, мы с Колькой приехали наобум и даже успели восхититься привезённым хозяину подарком, последним писком моды – голубыми джинсами, правда, польскими и непилящимися, но выглядевшими совершенно улётно. До прихода старших родственников мы последовательно отметили «Мир! Труд! Май!», так что к их появлению чувствовали себя вполне свободно и подготовлены к поддержанию светских бесед.

«Нет краше полячки младой!», – прав был Пушкин, гостья произвела неизгладимое впечатление. Памятуя злополучную подписку, я, в основном, отмалчивался, а музыкант «Кука», не связанный никакими обязательствами, «скакал гоголем» перед юной красоткой. Девушка слабо понимала переполненную музыкальным и «стритовым» жаргоном русскую речь, но на незавуалированные «знаки внимания» реагировала одобрительно и поощряюще. Обгадил намечающееся резкое потепление отношений сам «Кука». Собираясь на вечернюю прогулку, гостья остановилась перед зеркалом поправить причёску, когда сильно разговевшийся Колька неожиданно спросил: «Чего Ты, Анька, как „урла“ чёлку начесала?!». Как ни странно, полячку уже кто-то проинформировал о значении уничижительного сленгового эпитета, и она обиделась «вусмерть». Последующая прогулка по празднично украшенной Москве ситуацию не исправила, и больше мы дорогую гостью не видели.

Короткая встреча с зарубежной гражданкой из дружественной Польши стала последней в ряду «несанкционированных» контактов. Я слегка повзрослел, дал ещё одну «подписку», но с ещё более строгой «секретностью» на «почтовом ящике¹⁰», где проходил производственную практику, и предпочитал больше «не играть с огнём».

Все последующие «товарищеские» междусобойчики и романы с представительницами чужеземья происходили после серьёзных перемен в стране и окончания срока действия изрядно надоевшей «формы допуска».

Но главный урок «на века», вынесенный из давнего памятного собеседования и насмерть отпечатавшийся в памяти – это назидательное утверждение «Задний карман – не ваш карман!». До сих пор регулярно встречая во множестве, в основном, на эскалаторах торговых центров столиц мира предупреждающий плакат «Beware pickpockets!¹¹» с рисунком, на котором рука воришки тянется к пухлому кошельку в заднем кармане джинсов, перед глазами, как предупреждение, немедленно возникает несвежее лицо «человека в штатском».

¹⁰ Оборонный завод

¹¹ «Опасайтесь карманников!» – англ.

Привозная бутылка на подставке

*«Обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних...
квартирный вопрос только испортил их...»*

Михаил Булгаков

Как-то на исходе лета в конце семидесятых мой приятель Мишка «Нильсон» вернулся из Сочи с новой подружкой. Людмила работала в библиотеке МАИ, где я тогда «догрызал гранит науки». Она оказалась девушкой весёлой и общительной, и отлично вписалась в компанию. Я активно женихался с будущей супругой Галей, и барышни подружились. С «Нильсоном» Людка вскоре рассталась из-за диаметрально противоположных взглядов на брак, и мы потеряли её из виду. Но она успела познакомить моего однокурсника Колонно с коллегой, озорной библиотекаршей Ольгой, с которой тот хороводился даже после окончания института.

При появлении следующего серьёзного кандидата Людмила вспомнила вдруг об исключительной мастерице организовывать союзы и связывать судьбы. «Талант» обнаружился у Галки ещё в школьные годы и дальше только прогрессировал. Разузнав через Ольгу телефон, Людка проявилась, и мы возобновили общение. Новый избранник Виталий был моложе дамы на четыре года, но уже окончил специальное пожарное училище и служил инспектором – дознавателем в звании лейтенанта. Молодой офицер курировал заведения самого центра столицы: сфера интересов простиралась от Маяковки до станции метро «Динамо». После благополучно устроенной свадьбы, на которой Галка, что и понятно, выступала свидетельницей, и закономерно состоявшейся в кафе «Молодежное» на улице Горького, новобрачным от Виталькиной работы выделили служебное жильё, расположенное в начале Ленинградского проспекта.

В огромном «Сталинского ампира» здании Людмила с Виталием стали счастливыми обладателями громадной светлой комнаты с фантастической лоджией в коммуналке на третьем этаже. Единственная соседка, одинокая молодая дама, член сборной страны по баскетболу, занимала меньшую комнату ведомственной двушки и первые полгода казалась «фантомом», потому что значительную часть времени проводила в разъездах и на тренировочных сборах.

Подаренные на свадьбу деньги молодожёны удачно вложили в приобретенные «по благу» импортные мебельный гарнитур и спальню, отлично вписавшиеся в просторное семейное гнездо. Во время празднования новоселья поразила высококлассная японская аудиоаппаратура «АКАИ», привезенная молодым из родительского дома. Но «Пупом Земли» стала сразу притягивающая внимание, как вишенка на торте, пятилитровая бутылка виски на массивной темного металла подставке – качалке с колесиками. В горизонтальном положении она напоминала старинную пушку на литом лафете темного металла. Необычную емкость презентовали Виталькины родители, притаранившие невиданную диковину из зарубежной командировки.

Тогда я впервые столкнулся с представителями неведомой прослойки «иноспецов» – советских работяг с незапятнанной биографией и безупречным послужным списком, допущенных к различным видам созидательного труда в развивающихся дружественных странах. Отец Виталия трудился буровым мастером в Татарии, когда выпала замечательная трёхлетняя командировка в тогда ещё шахский Иран. После возвращения на заработанные чеки-сертификаты он приобрёл половину дома в закрытом посёлке «Северный» сразу за Москвой. И в нём же устроился трудиться на градообразующей Северной водопроводной станции.

Дебютный визит в родительские владения Виталия потряс донельзя. Поселение такого идеального, нехарактерного даже для Москвы, порядка я никогда воочию не наблюдал. Изредка что-то похожее промелькивало в иностранных фильмах. Ровные ряды одинаковых двухэтажных кирпичных домов с аккуратными палисадниками располагались в строгом

порядке внутри огороженной территории. Входы с противоположных фасадов вели в отдельные двухуровневые квартиры, где в первом этаже размещались туалет, кухня и столовая, а на втором – гостиная и спальня с примыкающей полноценной ванной комнатой. К тому моменту похожих апартаментов я даже в кино не видел.

Необходимое отступление. В подзабытые времена развитого социализма в силу тотальной изоляции страны «железным занавесом», практически весь спектр «достижений загнивающего капитализма» находился по ту сторону «Берлинской стены». И, если ныне большинство явлений зарубежной действительности для нашего современника кажется обыденным, то в далекие 80-е годы для рядового советского гражданина, видевшего Запад глазами Сенкевича, представляло совершенно загадку.

Внутри диковинный и неведомый тогда таунхаус изобиловал привозными предметами роскоши, но тяга к драгметаллу превалировала. Где только возможно стояли, висели, лежали золотые безделушки, кольца, броши, большая часть с красиво ограненными камнями. «Мама и тётя очень любят всякие побрякушки!», – смущённо произнёс Виталик, заметив мой недоумевающий взгляд.

Как я понял существенно позже, у старших родственниц любовь к «изделиям из презренного металла» переросла в весьма прибыльное занятие. Сфера их деятельности представлялась мне полу-уголовной. Обзаведясь широким кругом знакомств в среде выездного пролетариата, обе дамы активно спекулировали украшениями из «жёлтых» сплавов. При редких встречах я всегда поражался их умению любую затронутую тему немедленно переводить в материальную плоскость – подобные торгашики «до мозга костей» мне прежде не встречались даже в сфере обслуживания. Виталька, на удивление, совершенно не впитал «с молоком матери» тягу к накопительству и наживе, а наоборот, казался абсолютным бессеребренником. Людмила регулярно его «пилила» за неумение грамотно использовать предоставляющиеся обширные возможности. И, правда, на фоне прагматичной и деловитой супруги молодой муж смотрелся безвредным ласковым телком, невзирая на представительную форменную статью.

* * *

Вскоре Виталик с Людкой, мы с Галкой и наши друзья, стюард Валерка «Беня» с подружкой и коллегой – бортпроводницей Натальей, стали много времени проводить вместе. Очередной Новый Год встречали у молодых на Ленинградке, и именно тогда я в первый раз увидел спортивную соседку с кавалером. Сразу бросалось в глаза, что крупная белоруска явно доминирует в собирающейся пожениться паре. Непривычно короткая стрижка и решительные жесты, а также широкий разворот плеч и узкие бедра придавали ей весьма мужеподобный вид. Даже рядом с крепким и рослым молодым человеком деваха выглядела богатыршей.

Сразу же на память пришла единственная встреча с легендой отечественного баскетбола Ульяной Семёновой. Отцу моей коллеги, Зам. Министра была положена госдача в Серебряном Бору. В заповедной зелёной зоне на берегу Москвы-реки располагались строго охраняемые посольские и всевозможные ведомственные «фазенды». И там же на одном из участков «тёмный» магазинчик, вход в который открывали номерные пропуска, снабжал «слуг народа» различными дефицитными деликатесами по смешным ценам. Уже в марте месяце в нём появилась первая клубника, которой к изумлению тётки я эпизодически баловал любимую жену. Стоя в короткой очереди к заветному прилавку, я внезапно почувствовал движение над головой: женщина-великан с резкими мужскими чертами лица в привычной позе считала мелочь. Ладонь согнутой в локте руки находилась как раз у меня над макушкой. Бросив взгляд вниз, я ошумел окончательно – мои ступни в штиблетах 43-го размера выглядели миниатюрными ножками китаянки на фоне её растоптанных кроссовок запредельных габаритов.

Немного поучаствовав в гулянии, соседи уехали продолжать празднование на спортивную базу команды в Серебряном Бору. Как обычно, глубокой ночью напитки закончились, и мы с «Беней» стартовали на Белорусскую. На вокзале ночным уборщиком работал мой с незапамятных времен знакомец Александр. Мужик лет сорока, вполне интеллигентной внешности и, судя по разговору, с занимательным прошлым, активно зарабатывал «на кусок хлеба с маслом», продавая желающим после закрытия винных отделов горячительные напитки на любой вкус. В полном соответствии с запросами потребителей три вокзальные камеры хранения забивались битком водкой, коньяком и портвейном всех видов. Ввиду минимальной наценки к магазинной стоимости торговля шла исключительно бойко. Главная проблема состояла в обнаружении Сашки на обширной территории исторического здания. Его услугами я пользовался не очень часто, но душу всегда грела мысль о постоянно имеющейся возможности. Александр обрадовался встрече, а больше появлению нового потенциального клиента, и сразу предложил «в разумных пределах» отметить Новый Год.

Возвращаясь, мы заскочили к Валерке домой на Лесную забрать кассеты с зарубежными хитами. Летая бортпроводником «Аэрофлота» по всему миру он постоянно находился в курсе последних веяний музыкальной моды и регулярно знакомил с новинками западных исполнителей. Правда, на этот раз «Беня» вместо гремевших в ту пору итальянцев по ошибке захватил плёнку с записью французского альбома Высоцкого, и весь остаток праздника прошел под его песни. «Любимка» Валерки – «Тот, кто раньше с нею был» – настолько впечаталась в память, что до сих пор твёрдо ассоциируется с Новым Годом на Ленинградском проспекте.

«Бывают в жизни злые шутки...»

*«Недавно в нашей коммунальной квартире драка произошла.
Главная причина – народ очень уж нервный.
Расстраивается по мелким пустякам. Горячится.
И через это дерется грубо, как в тумане».*

М. Зоценко

Вследствие счастливого брака, Людмила вскоре оказалась в «интересном положении». И главе растущего семейства на «государевой службе» сразу пообещали, буквально «на днях», предоставить двухкомнатную квартиру в возводящейся новостройке на углу Беговой улицы и Ленинградки. Но строительство непредсказуемо затянулось, и, пока «суть да дело», Людка легла на сохранение. Виталий на этот период перебрался на жительство к родителям.

Неожиданный звонок друга встревожил не на шутку: «Надо срочно встретиться! У нас беда!». Прихватив по дороге «Беню» с Наташкой, мы с Галкой примчались на Ленинградку. И остолбенели, застав растерянного Виталика в совершенно пустой комнате. «Обокрали? И даже мебель вывезли?!», – в унисон прорычали мы с «Беней». «Хуже!», – обреченно махнул рукой вконец убитый хозяин жилища. И понёс, как нам показалось, совершенный «мох с болота», явившийся, к сожалению, горькой реальностью.

Будущий отец две недели проживал у родных, ежедневно навещая жену в больнице, пока Людке не потребовалась какая-то мелочь из дома. Зайдя в комнату и обнаружив голые стены, Виталик не потерял присутствия духа и немедленно помчался в местное отделение милиции. А там, как оказалось, уже ждали. И из дружеского расположения к «своему брату-офицеру», тем более, что пожарники относились к МВД, показали заявление квартирной соседки недельной давности. В нём чёрным по белому достаточно грамотно излагалась очень скверная история. «Мой сосед ИМЯРЕК в преддверии получения новой квартиры, и находясь в нетрезвом состоянии, на радостях продал мне всю домашнюю обстановку со словами „Всё равно мебель туда не встанет, и придётся покупать новую!“». К сожалению, никакого договора мы не оформляли и расписок не писали. Спустя несколько дней он стал требовать имущество

обратно, утверждая, что никакой сделки не было, и никаких денег не получал. При этом сыпал угрозами, ссылаясь на высокопоставленных приятелей в МВД! Прошу принять меры и защитить меня и мое имущество от притязаний распоясавшегося наглеца в погонах!».

Воспользовавшись длительным отсутствием соседей предприимчивая баскетболистка, «не мудрствуя лукаво», перетащила в свою комнату всю их мебель и прочие дефицитные предметы интерьера. А чтобы документально оформить «рокировку» и всячески обезопасить себя, заблаговременно написала «жалостное» обращение в соответствующие органы.

Точно такую же «телегу» «пострадавшая» накатала Виталику на работу, вследствие чего притормозилось присвоение очередного звания и повышение по службе. Он хорошо понимал, что ситуация сложилась совершенно патовая, и никаких шагов предпринять не может. Душила злорада, и Виталик решил посоветоваться с нами – вдруг обнаружится какой-нибудь выход. Мы настолько оторопели от услышанного, что сначала не очень поверили в произошедшее.

Вылетев в коридор, я наткнулся на друга соседки, с ехидной улыбкой демонстративно распахнувшего дверь комнаты, где «ровными рядами» возвышалась Виталькина корпусная мебель, а за Людкиным любимым столом баскетболистка что-то доедала. Добила меня заграничная емкость на подставке, выставленная напоказ. Увидев её, я с криком «Беня, давай!» снёс с ног хлопчика и влетел в их жилище. На меня бросилась хозяйка, но я увернулся, ухватил бутылку вместе со станиной и с многократно увеличившейся выбросом адреналина силой со всей дури метнул в застеклённую стенку, разлетевшуюся по всему помещению мириадами мелких осколков и обломков. В это же время Валерка в коридоре утрамбовывал соседа. Вызванная спортсменкой милиция приехала минут через сорок. За это время мы успели перетащить в «Бенину» машину драгоценную иностранную аппаратуру, которую Наташка тут же увезла домой.

Наряд даже не стал впрягаться в соседские дразги. Проверив у всех документы, сотрудники милиции предложили нам с Валеркой проследовать в отделение, но на улице отпустили восвояси и строго предупредили о нерадостных последствиях в случае повторного задержания. Виталику и Галке никаких претензий не предъявляли.

Виталия захлестнуло чувство полной беспомощности и очень неприятные эмоции от ощущения, что тебя выставляют полным идиотом.

Безвыходность ситуации и невозможность что-либо изменить ещё долго не давали спать спокойно. Но, как известно, время лечит. Текущие заботы и ежедневные бытовые проблемы притупили болезненную остроту переживаний от вероломного «кидалова», но в глубине «души затаилась некоторая грубость¹²».

* * *

Прошло полгода. Виталику, наконец, присвоили старшего лейтенанта, и мы приехали обмывать звездочки, а заодно долгожданную новую квартиру. Людмила была совсем «на сносях», да и Галка доживала восьмой месяц. Выпивали только мы с «Беней», потому что Виталий постоянно находился на «низком старте», готовый в любую минуту доставить жену в роддом. Наташке в тот день выпал жребий садиться за руль, они с Валеркой по-честному чередовались.

Как водится, к ночи напитки закончились, и Наташка повезла нас с «Беней» на Белорусскую. Когда мы уютжили здание в поисках Александра, краем глаза я заметил приметную фигуру – баскетболистка с приятелем неторопливо шествовали к перрону с Минским скорым. В голове что-то взорвалось, «bloodlust¹³» пеленой застлал глаза. Я пришёл в себя от воя спортс-

¹² Цитата из М. Зощенко

¹³ Жажда крови – англ.

менки, которой «Беня» навесил приличный хук с левой, когда верзила вцепилась в миниатюрную Наташку. На мне висел неизвестно откуда взявшийся Александр, одновременно объяснявший хорошо знакомому дуэту милиционеров, что «всё в порядке. Просто старые друзья встретились – „бойцы вспоминают минувшие дни“. Под мою ответственность!». Наряд проводил взглядами наших удаляющихся поединчиков – деваха, припадая на левую ногу, практически несла партнера на плече – и, потеряв всякий интерес, двинул в направлении метро. В кулуарах камеры хранения Александр вскользь заметил: «Я сколько тебя знаю, такого не ожидал. И пить не надо – своей дури хоть отбавляй! Если б я не подскочил, ты б его насмерть забил. Где только выучился, он крупней и тяжелей раза в полтора. Да и приятель твой хорош – за свою подругу этой дылде нос сломал и ногу повредил!». После чего отпустил желаемое и сердечно пригласил заезжать, но «в менее бойцовом настроении».

Чтобы не тревожить сильно беременных дам, мы им ничего не рассказали. Но чувствовал я себя замечательно, как будто с души спал тяжёлый груз.

Существенно позднее я прочёл у писателя Даниэля Сильвы, что осуществлённая месть хорошо залечивает душевную рану и благотворно действует на нервную систему, и понял, почему совершенно не ощущал угрызений совести после жёсткого «товарищеского недоразумения», а весь организм переполняла радость полноты жизни и отчасти восстановленной справедливости. Опять же, с годами выяснилось, что сострадание и сочувствие не являются моими сильными сторонами и распространяются в малых дозах исключительно на самых близких.

Всю сознательную жизнь я старался руководствоваться собственными, опытным путем установленными правилами. Одно из них не позволяет сожалеть о случившемся, исходя из краеугольной максимы «У истории нет сослагательного наклонения!». Но до сих пор жаль и дефицитную мебель и, особенно, замечательную бутылку на колёсиках.

Новый Год «у чёрта на куличках»

Памяти С. Н. и С.Б.

«Жить в эпоху свершений, имея возвышенный нрав, к сожалению, трудно».

И. Бродский

В отличие от большинства достаточно веселых рассказов, упоминающих бодрое и задорное потребление алкоголя, в этой я впервые подробно описываю всю скверну и ужас, которые несут наркотики. Рассчитываю и надеюсь, что у читателей опус вызовет стойкое чувство отвращения и неприятия любых «расширяющих сознание» препаратов, искалечивших жизни и сведших в могилу многих замечательных людей совсем молодыми.

* * *

Этот странный Новогодний праздник я запомнил на всю жизнь.

Новый 1984-й Год мы с братом по традиции встретили в Переделках у его друга и бывшего одноклассника. Утром второго дня Борька решил остаться, а я потянулся к дому – очень устал от гулянья. Существенно поистратившись за праздничную «страду», я даже на наскреб денег на «поправочную» чекушку, не говоря уже о «продолжении банкета». Добравшись до дома, попытался уснуть и уже начал задремывать, когда у входной двери раздался звонок. Я никого не ждал и решил, что к родителям приехали запоздалые гости. Но из коридора раздался удивлённый мамин голос: «Здравствуй, Сережа. А Боречки нет дома! Костюша! Ты не спишь? Серёжа пришёл!», – в дверном проеме появился «Афганец».

В очередной заезд в Гурзуф мы с братом познакомились на аллеях с симпатичным невысоким пареньком из Москвы. Разговорившись, нашли общие интересы и подружился. Одевался он, как и большая часть московской «команды», в шмотки «третьего срока носки», но, невзирая на жару, почему-то предпочитал длинный рукав. Выпивал немного, а иногда, вообще отказывался, приводя окружающих в замешательство. Когда на третий вечер знакомства, спустившись из коктейль-холла, я обнаружил его сидящим в одиночестве на набережной в чёрной вельветовой рубашке с орденом Красной Звезды над карманом, то решил, что начались видения. На следующее утро в «Сосках¹⁴», видимо, доверившись нам, он поведал, что действительно отслужил «за речкой» и слегка отличился. А не пьёт потому, что имеет «другие интересы», на которые подсел там же. Доверительная беседа ещё больше сблизила, и дружба продолжилась в Москве.

Серёжка с Борисом оказались погодками и массу времени проводили вместе. К «Афганцу» очень прониклась наша Мама и относилась с особой теплотой, услышав однажды его армейскую эпопею. Она хорошо представляла, что и Борька мог так же попасть в «жернава войны», не поступи сразу в институт. 18-летним юнцом, только со школьной скамьи, Сережка попал в бой в составе погранподразделения, одним из первых брошенных в пекло в самом начале Афганской кампании в 1979 году. Психика у тонко чувствующего, раненого подростка пострадала сильно. Выжив и вернувшись домой, Сергей окончательно так и не оправился от «Вьетнамского синдрома». Его «любящие», но ничего не понимающие роди-

¹⁴ Павильон «Пиво»

тели после многочисленных семейных конфликтов отселили «нездорового» сына к бабушке с дедушкой «с глаз долой».

«Привет! Какие планы на вечер?», – Серёжка выглядел изможденным. Насмотревшись в юные годы на приятелей, регулярно применявших «расширяющие сознание» препараты, я так и не смог привыкнуть к его перманентно болезненному облику. «Ни планов, ни денег!», – констатировал я в зыбкой надежде на продолжение дрёмы. Не тут-то было: «Деньги не проблема! У меня ломки и шуга! Ты должен мне помочь!». «Что нужно делать?». «Одевайся, пойдём!». Попрощавшись с огорчённой Мамой, мы вышли на холод. «С кем и где надо встречаться?», – поинтересовался я, предполагая, что мы торопимся на свидание с дилером¹⁵. «Да нет. У меня всё с собой. Надо просто двинуться, а у меня руки ходят. В вену не попаду!». «Так что-ж мы из дома то ушли?!». «Боялся снова вашу маму напугать!».

Месяца за два до этого Серёжка зарулил к нам в гости, но дома не оказалось ни меня, ни брата. Сославшись на обострение цистита, он испросил разрешения посетить туалет. Сердобольная Мама встревожилась только часа через полтора и, кое-как открыв дверь, обнаружила его в состоянии анабиоза на унитазе полностью одетым. Подозревая о его недуге и жалея по-матерински, она с трудом дотащила «Афганца» до дивана и после пробуждения напоила чаем, не задавая лишних вопросов.

- Так куда мы идём?
- Как насчёт крепости в руках необычайной?
- Похвастаться не могу!
- Если Ты не сможешь меня ширнуть, то хоть поддержишь, чтобы я в вену попал!
- Ну, для этого необходимо, чтобы меня самого не подтрясывало!

¹⁵ Продавец наркотиков

«Это мы сейчас наладим!», – и «Афганец» решительно направился в сторону районной рюмочной.

В небольшом заведении, располагавшемся через два квартала от моего дома, как обычно, царили чистота и уют, неуклонно поддерживаемые бессменными хозяйками. Диана и Эльмира приходились друг другу свекровью и невесткой, что не мешало им дружно заправлять замечательной питейной точкой. «Давно не заходил, вояка!», – ко мне тандем относился с особым вниманием и лаской. Во-первых, я навещал их регулярно, во-вторых, обеим сшил одинаковые джинсовые юбки «Levi's», ставшие их форменной одеждой. Как-то дуром у нас с младшей случился «солнечный удар¹⁶», о котором оба сохранили самые нежные воспоминания, но к повторению не стремились. «Двести тебе хватит?», – поинтересовался Сергей, доставая деньги. Удивительно, но отсутствием наличных он никогда не страдал, хотя нигде не трудился. Как обычно, купюры несли на себе следы маргацовки, используемой «Афганцем» для изготовления «винта¹⁷».

Эльмира дважды мерной склянкой нацедила в тонкостенный стакан по сто грамм и ещё пятьдесят «от заведения», выдала два бутерброда с сыром и две бутылочки «Пепси». Согласно установленному порядку, во всех рюмочных на каждые сто грамм водки посетителю в нагрузку строго отпускались один бутерброд и стакан «иностранной» газировки. Через двадцать минут, когда мы покидали гостеприимное заведение, я чувствовал себя вполне сносно.

«Афганец» уверенно торил тропу сквозь заснеженные дворы в направлении метро. «Куда мы движемся?». «Я на Трофимова отличный „парадняк“ знаю. Там никто не помешает!». К этому моменту мои физическое состояние и внутреннее мироощущение полностью отражали строки известной песни: «меня ничто не устрасит!».

Когда мы поднялись на просторную сумрачную площадку между третьим и четвертым этажом сталинской послевоенной семиэтажки, и «Афганец», скинув куртку, привычно закатал левый рукав рубахи и перетянул предплечье резиновым жгутом, стало ясно, что в вену попасть он не сможет. Колотило Серёгу жутко. Не обладающему соответствующим медицинским опытом и навыками, мне ничего не оставалось, как крепко обхватив «болезного», вцепиться ему в плечи, и таким образом уменьшить амплитуду тряски. Как ни странно, ухищрения привели к желаемому результату. Уколовшись, «Афганец» автоматически сдернул шнур и сразу «поплыл». Прицепило его мгновенно.

Минут через двадцать, прощаясь у метро «Автозаводская», оздоровившийся Серёга уже бодрым и веселым тоном поинтересовался: «Ты сейчас куда?».

– Домой! Может, поплю...

– Поехали ко мне! Сестра заскакивала, от родителей новогодних гостинцев привезла, вкунятины всякой и две бутылки водки! Поехали! Не выливать же!

* * *

Проживал «Афганец» «на краю географии». От метро «Каширская» мы на забитом до отказа автобусе сорок минут тащились в какие-то «тар-тарары», а затем пешком, через засыпанные снегом овраги и буераки, ещё минут двадцать, чертыхаясь и оскальзываясь, ползли до отдельно стоящего анклава из четырех многоподъездных шестнадцатиэтажек. В однушке улучшенной планировки Серёга ютился вместе с бабушкой и дедушкой. Старики «жировали» в комнате, а внук спал на односпальном диване, с трудом вместившемся в небольшую кухню.

¹⁶ Рассказ И. Бунина

¹⁷ Вид синтетического наркотика

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.